

новая газ —

25—28 сентября 2003 г. — с. 21.

ПОЭТ И ЛУЗА

Читатель поэзии — всегда немного ребенок. Как и сам поэт. Только эти двое умеют по-настоящему радоваться неожиданной рифме или яркой метафоре. К сожалению, очень часто читательский интерес и ограничивается этими маленькими радостями-находками.

Любитель поэзии редко вырастает в ее ценителя.

Чтобы прочитать и полюбить стихи Александра Межирова, мало быть ребенком. Нужно еще быть взрослым...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО-ПОЗДРАВЛЕНИЕ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНЕМУ МАСТЕРУ ОТ УЧЕНИЦЫ-ЗАОЧНИЦЫ

Что я знала о Вас? Да, собственно, ничего. В шестидесятые-семидесятые (годы поэтического бума) Вы не побивали рекорды в спортивных дворцах, на фестивалях и площадях нашей родины. С другой стороны, Ваши книжки не входили в список запрещенной или хотя бы полузапрещенной литературы.

Вы даже не засветились в «Метрополе». Как же я могла Вас знать? Купить книжку? Ну вот еще!

Ваше имя всегда упоминалось в обиходе поэтов-фронтовиков, а меня до середины восьмидесятых больше интересовали то смогисты, то метафористы, то еще какие-нибудь «исты».

Но странное дело: когда, после многолетних мытарств, я вернулась в Россию, Ваша книжка меня сразу нашла. Мне ее принес друг. И я прочитала:

*Одиночество гонит меня
От порога к порогу —
В яркий сумрак огня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня...*

Я боялась с Вами знакомиться. Меня предупреждали: «Он может, не обидев ни словом, так сказать о стихах, что пропадет всякая охота сочинять». Меня страшали: «Будь осторожна! Это коварный соблазнитель: он может так голубоглазое посмотреть из-под своих по-детски длинных ресниц...».

Но к моменту нашего с Вами знакомства я уже была окончательно и бесповоротно влюблена в другого поэта, он и привел меня к Вам, шестидесятидвулетнему.

Посмотрев на мое мини, Вы, прелестью заикаясь, спросили: «Деточка, а не боитесь простудиться?» — и посетовали, что у Вас, старика, несколько последних лет болят почки, хотя застудили Вы их еще в войну в Синявинских болотах.

Неожиданно Вы предложили мне поучиться игре в бильярд, заверив, что непременно должно получиться.

Вам, блестящему игроку, зачем-то хотелось всех молодых поэтов научить играть в бильярд. И в самом деле, не учить же нас писать стихи! Бильярдная, занимавшая второй этаж Вашей переделанной дачи, была, в сущности, литстудией, где Вы, натирая кий мелом, ненавязчиво прощупывали наши литературные вкусы, пристрастия и, проваливаясь в черные дыры нашего невежества, «обслуживали интеллектуально».

Однажды я посвятила Вам стихотворение. Не все в нем было лицемерно, я очень хотела его прочитать, но еще больше боялась, что Вы обидетесь. Однако я слишком себе льстила. Одной фразой Вы навсегда пресекли мое мелкое тщеславие:

— Что такое добро и зло в сравнении с поэзией?! Читайте же.

Когда стихотворение из жаровен души наконец падает на лист бумаги, его, свежее и румяное, хочется тут же дать отвесть всему миру.

Но... Бывало, напишешь стишок — и в ужасе представляешь: а не стыдно ли будет, если, конечно, предложат, прочитать кому-нибудь из НИХ, настоящих ценителей. Если казалось, что будет стыдно, — рвала листок.

Мне сказочно повезло — меня ругали такие замечательные поэты, как Игорь Холин, Генрих Сапгир, Давид Самойлов, Юрий Левитанский, Булат Окуджава и даже Семен Липкин (которого, в свою очередь, когда-то ругали Мандельштам и Ахматова.)

«И все они умерли... умерли».

Но все-таки есть один, пожалуй, самый утонченный и бескомпромиссный по отношению к слову, слушатель «не своих» стихов. Один из тех настоящих поэтов, кто вправе поругать.

Это Вы, Александр Петрович. Но Вы далеко. В Америке. До сих пор не могу понять, зачем. Разве это не Вы однажды написали:

*На семи на холмах на покатых
Город шумный, безумный,
родной, —
В телефонах твоих автоматах
Трубки сорваны все до одной.*

.....
*Никогда никуда не отбегу,
(Выделено мной. — А.С.-Ш.)*

*Если даже, в грехах обвиня,
Ты ославишь меня, как Иуду,
И без крова оставишь меня...*

...В узких кругах Вас называли «падшим ангелом». Будто все только и ждали чего-нибудь по-настоящему страшного и непоправимого... Дождались?

*Где уж там аварий опасаться,
Если в жизни все наоборот,
Мне бы только в поворот
вписаться,
В поворот, в закрытый поворот*

Не вписались. Наезд на пьяного человека. Тот не выжил.

Вы даже не успели крикнуть: «Пусть в меня первым бросит камень тот, кто безгрешен!» — камни летели отовсюду. Товарищи и враги странным образом слились в беспощадном экстазе. И Вас это не очень удивило:

*Был больше всех греховен и порочен
И перед всеми виноват кругом,
И щеки не остыли от пощечин, —
Но не об этом речь, а о другом.*

*О том, что жизнь прошла.
И сплю в могиле,
И вижу сон о том, что на земле
Виновен был, — да не
за то судили
И присуждали к плахе и петле...*

Конечно, Вы и не думали уезжать ни в какую Америку. Зачем же, еще задолго до отъезда, сами себе напророчили:

*Я подорву дороги за собою,
Мосты разрушу, корабли сожгу,
И, как сегодешний десантник после боя,
Умру на незнакомом берегу.*

Позвольте Вам ответить Ваши же строчками:

*А в России пророческий пыл,
Черный ветер и белые ночи,
Там среди безымянных могил
Путь к бессмертью глиняный
и короче...*

А знаете, Александр Петрович, у меня теперь тоже есть бильярд. Конечно, рядом с Вашим он кажется почти игрушечным. Но шары в нем настоящие. Играю я редко, но делаю все так, как Вы учили. Получается ужасно... а поругать некому... да и стихи тоже.

В день Вашего юбилея постараюсь в Вашу честь загнать в лузу хотя бы один шар! Поздравляю Вас!